Евстифеев Р.В.,
Владимирский филиал
РАНХиГС (г.Владимир)
roman_66@list.ru

От локальной идентичности к позитивной гражданской самоорганизации: проблема эффективного трансферта

Эффективное развитие российских регионов и муниципалитетов основывается не только на инфраструктурных изменениях, но и на трансформациях общественного сознания и осознании населением происходящих изменений, формирующих позитивное отношение жителей и их включенность в происходящие процессы. Значимость субъективных представлений жителей о реальности и о своем месте в ней подтверждается целым рядом современных исследований.

Изучение особенностей гражданской самоорганизации населения, как элементов общественного сознания и общественного порядка, стали особенно актуальны в период социальной нестабильности конца так называемых «нулевых» годов XXI века, коснувшейся практически всех стран мира.

В данной статье предлагается подход, основанный на предположении, что в основе гражданской самоорганизации населения лежит осознание гражданами своей общности, принадлежности к местным, локальным сообществам.

Интерес к местным сообществам в рамках темы данной статьи вполне объясним: местные сообщества можно рассматривать как первичный элемент социума. Именно в местных сообществах происходит становление социальных взаимосвязей, формируются основы социальных практик и институтов.

Изучение местных сообществ и их основных характеристик является актуальной задачей для различных социальных наук. Это, одной стороны,

позволяет исследовать объект с разнообразных методологических позиций, но, с другой стороны, порождает проблему рассогласованности теоретических установок исследователей и полученных результатов.

В основе статьи лежат результаты нескольких исследований:

1. Исследование локальных идентичностей в трех российских городах (Смоленск, Владимир, Ярославль), проведенное научным коллективом совместно с АНО «Социологическая мастерская Задорина» [Задорин и др. 2016].

2. Два исследования, посвященные изучению социального самочувствия и социального согласия населения Владимирской области, проведенные в 2015г. и в 2016 г. гг. [Отчет 2015] [Отчет 2016].

3. Конкретный кейс одного города, связанный с развитием местного сообщества и ростом уровня гражданской самоорганизации [Евстифеев, 2015], [Евстифеев, 2016].

Теоретической основой для всех исследований стали три теоретических подхода, пересекающихся друг с другом:

Во-первых, институционализм (включая неоинституциональные направления), настаивающий на определяющей роли устойчивых социальных связей и практик в развитии местных сообществ [Олсон 1995; Остром 2010; Норт 2011].

Во-вторых, теории социального капитала, разрабатываемые в пространстве экономико-социологических идей, обращающих главное внимание на уровень доверия между членами сообщества и использование этого доверия для снижения издержек в процессе интеракций [Бурдье 1993;Патнэм 1996; Коулмэн 2001; Фукуяма 2006].

В-третьих, теории социальной идентичности, получившие изначальное распространение в русле психологии и социальной психологии, а сегодня активно разрабатываемые также в социологии и политической науке, объясняющие развитие общества наличием особых социально-

психологических характеристик, объединяющих и связывающих членов сообщества [Хантингтон 2004; Anderson, 2010; Lawler 2014].

Все перечисленные подходы объединяет признание важной роли символической сферы в развитии общества. Однако попытки соединения данных подходов в теоретических и эмпирических исследованиях пока не привели к созданию единой устойчивой теоретической модели. Более того, такие попытки часто приводят к существенным противоречиям. Исследователи весьма по-разному рассматривают роль социальных институтов, социального капитала, идентичности и их иерархию, что не может не влиять на результаты исследований.

Ключевым понятием в рамках данной статьи выступает понятие «идентичности», уточненное и ограниченное до локальной городской идентичности. Именно городская идентичность, на наш взгляд, лежит в основе гражданской самоорганизации.

В соответствии с институциональной теорией, качество социальных институтов зависит от соотношения активности двух типов сообществ: «замкнутых» (bonding), то есть организованных по типу «мафий / кланов», с высоким порогом включения в сети доверия людей «со стороны», и «открытых» (bridging) – таких, которые обеспечивают априорное доверие к незнакомцам [Полищук 2012: 53]. Исследования показывают, что российское общество отличается от других европейских стран существенным дефицитом «открытости в доверии», что тормозит, в том числе, развитие социальной активности и становление гражданского общества [Белянин, 2010: 16]. Во многом это определяет и сложности в развитии локальных социальных общностей и эффективном применении инструментов брендирования.

Одним из механизмов солидаризации является механизм коллективных идентичностей индивидов [Tajfel,1986: 7-24]. В рамках данного исследования понятие социальная идентичность было сформулировано следующим образом: социальная идентичность– это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-

либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из неё, критерии различения «свой / чужой» для данной группы [Крупкин 2010: 122]. Каждый индивид имеет набор социальных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества. Обычно к ним относятся: семья, расширенная семья (родня), круг друзей, коллеги по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу), профессиональные ассоциации, соседская община, территориальные (локальные и региональные) общности, религиозная община и конфессия, политическая партия, этнос, нация и другие важные для индивида сообщества и социальные группы.

Исследования, на которых основывается данная статья, включали в себя применение как количественных, так качественных методик.

Общей целью проекта исследования городских локальных идентичностей было выявление и описание спектра локальных (городских) коллективных идентичностей трех российских городов, Владимира, Смоленска и Ярославля, а также дальнейшее накопление эмпирического материала для развития предлагаемого языка описания такого социального объекта, как «локальная коллективная идентичность». Исследование было направлено на решение следующих задач:

- подтвердить существование городских идентичностей;

- описать городские идентичности нескольких городов, сделав это с одной стороны единообразно, с другой – полно;

- выявить связь характеристик городской идентичности с показателями солидарности горожан, их социальной спайки.

Качественный этап исследования был основан на проведении пяти дискуссионных фокус-групп в каждом из городов с основными социальными категориями горожан. В ходе фокус-групповых дискуссий (сентябрь-октябрь 2014 г.) обсуждался широкий круг вопросов, включающий в себя вопросы уникальности города, объектов гордости горожан, символов города, выдающихся личностей, отличительных черт жителей города и т.д.

По итогам фокус-групповых дискуссий был сформирован опросник для количественного этапа исследования. Основой количественной части стал массовый опрос населения с выборкой не менее 600 человек в каждом из городов (общий объем выборки составил 1800 респондентов). Опрос проводился в ноябре-декабре 2014 года. Выборочная совокупность репрезентировала население каждого из трех городов по параметрам пола, возраста и района проживания. Опрос реализовался по месту жительства респондентов (face-to-face). Генеральной совокупностью исследования являлось взрослое население соответствующей территории (18 лет и старше).

Исследование социального согласия и социального самочувствия жителей Владимирской области проводилось в 2015 и в 2016 годах, и ежегодно включало в себя проведение массового опроса методом анкетирования по изучению общественного мнения населения Владимирской области, а также проведение трех фокус групп и двух экспертных семинаров по теме научной работы.

Опросы в указанные годы проводились по специально разработанной выборке, репрезентирующей население Владимирской области по основным характеристикам. Объем выборочной совокупности каждого опроса – 2000 респондентов. При разработке выборки учитывались следующие критерии: пол, возраст, тип населенного пункта постоянного проживания. Методом сбора информации являлось 30-минутное личное (face-to-face) интервью, проводящееся по формализованному опроснику.

Кейс-стади развития местного сообщества города Владимира было осуществлено автором методами включенного наблюдения, полуструктурированных интервью и экспертных опросов в 2010-2016 годах. Целью исследования было получить описание специфической ситуации участия общественности в процессах городского развития.

Взаимоотношения социального капитала, социальных институтов, гражданской солидарности и локальной идентичности на уровне гипотезы рассматривались автором в виде иерархии, в которой центральное место

занимает локальная идентичность, а социальные институты, социальный капитал и гражданская солидарность формируются на основе идентичности.

Можно отметить, что результаты исследований подтвердили существование в актуальном самосознании респондентов локальной идентичности, зафиксированной в виде основных элементов с высоким уровнем репрезентации большинства из них. Однако, это касается в основном городских поселений, на уровне сельских населенных пунктов эта идентичность выражена гораздо слабее, равно как и идентичность жителей региона в целом. Например, в исследованиях были включены вопросы для измерения территориальной идентичности респондентов, в частности респондентам предлагалось самим определить, жителем какой территориальной единицы (от города проживания до планеты Земля) они ощущают себя в первую очередь. Как оказалось, существенное большинство ответов сконцентрировали в себе две альтернативы ответа – «страна (Россия)» и «город проживания»; в совокупности эти две альтернативы набрали от 80% (в Смоленске) до 90% (в Ярославле). Примерно тоже характерно и для массового опроса жителей Владимирской области.

Относительно жителей городов можно констатировать, что локальная идентичность ими не только осознается, но и имеет для них большое субъективное значение.

Набор выявленных элементов городской локальной идентичности можно представить в виде следующих позиций:

- Значимые места (включая символический центр)
- Представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной)
- Пантеон героев – реальных и мифических
- Представления горожан о городе
- Представления горожан о себе
- Представления о структуре сообщества: ядро ("элита"), границы, составляющие (страты, сегменты)

- Ритуалы воспроизводства идентичности
- Этнографические особенности жителей города.

Выделенные элементы можно перегруппировать по трем кластерам. Таким образом, самым нагруженным окажется кластер «исторических достижений», связанный с богатой историей городов и с попытками использования этих достижений в настоящем. Второй кластер – символы и достижения эпохи модерна, связанные, прежде всего, с советской эпохой, выражен гораздо слабее. Третий кластер, современные символы и мифы, остается практически незаполненным.

При этом ценности совместных действий в локальной идентичности оказываются почти не представленными. Наиболее близкие к действиям ритуалы воспроизводства идентичности достаточно бедны, однообразны и мало чем отличаются в различных сообществах.

В целом можно сказать, что жители городов ощущают себя довольно-таки гомогенным сообществом; суб-идентичности, обусловленные внутригородским территориальным и социально-профессиональным делением, выражены слабо. На периферию своего сообщества горожане помещают небольшие группы «иных» (приезжие, гастарбайтеры, люди ярко выраженной другой культуры – религиозной, этнонациональной и т.д.).

Важно отметить, что выделенная и описанная городская идентичность не является субъектной – это, скорее, культурная рамочная идентичность с четко выделяемыми культурными реперами, которые являются общими для всех жителей каждого из обследованных городов. Это, прежде всего, преобладание досуговой и демонстрационно-символической функциональных ниш, отводимых ценностям и представлениям локальной идентичности в повседневной жизни. Элементы идентичности, связанные с современностью, с ритуалами воспроизводства идентичности и представлениями о структуре сообщества и его границах, в большинстве случаев выражены гораздо слабее, и разброс мнений здесь более существенен. Во всех трех городах отмечается тяготение коллективных

представлений к досоветской истории, а в случае Владимира – даже к домонгольской (доимперской) Руси. Это проявляется и в выборе значимых событий, и главных городских «героев».

Характерным представляются результаты изучения уровня солидаризации населения городов Владимира, Смоленска и Ярославля. Почти половина жителей исследованных городов выразили уверенность, что в нашей стране среди людей больше разобщённости и несогласия. Доля жителей, считающих, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, вдвое выше доли тех, кто уверен, что большинству людей можно доверять.

В то же время, стоит отметить, что в отношении ближнего окружения оценки респондентов о сплочённости или разобщённости существенным образом отличаются от их оценок состояния российского общества. Значимое большинство жителей каждого из трёх городов (от 69% в Смоленске до 74% во Владимире и Ярославле) выразили мнение, что среди их близкого окружения преобладают согласие и сплочённость. В анкете не уточнялось, кто подразумевается под «людьми, окружающими лично вас», но очевидно, что респонденты в первую очередь имели в виду членов семьи, друзей и коллег, что делает полученные результаты вполне понятными.

Весьма показательным представляется распределение ответов на вопрос о готовности респондентов к объединению с другими людьми для каких-либо совместных действий. Несмотря на общую негативную оценку уровня доверия в обществе, во всех трех городах большинство жителей отнесли себя к группе людей, готовых объединяться с другими для совместных действий. Правда, это «большинство» не одинаково: о своей готовности к объединению заявили три четверти участников опросов во Владимире и Ярославле. Жители Смоленска оказались склонны к консолидации в гораздо меньшей степени: такую готовность выразили немногим более половины респондентов (57%), в то время как 28% жителей

сообщили о неготовности к объединению с другими для совместных действий.

Проведенный анализ показывает, что наибольшие значения склонности к солидарности демонстрируют горожане, которые удовлетворены своей жизнью, положением дел в городе, оценивают своё экономическое положение как среднее или выше среднего и склонны к доверию к большинству людей. Вместе с тем, склонность к солидарности, высказанная респондентами, сложно коррелирует с представлениями об основных элементах локальной идентичности, в некоторых случаях представляя явную положительную корреляцию (представления горожан о самих себе, о «лучших людях» города»), а в других вопросах демонстрируя нулевую или отрицательную взаимосвязь (ритуалы единения – праздники, исторические события, исторические персоны).

Тем не менее, представляется, что выделенные структурные элементы городской идентичности и особенности их наполнения в конкретных городских сообществах могут быть основой для гражданской самоорганизации, однако для активации этого процесса необходимы дополнительные условия в виде накопления социального капитала через развитие доверия и солидарности членов сообщества. Центром такого процесса может быть сообщество активных и инициативных граждан, объединенных в неформальные группы [Беляева 2012].

Изученный нами кейс города Владимира как раз и демонстрирует один из возможных путей формирования гражданской самоорганизации на основе городской идентичности. Этот путь связан с созданием локального аналитического сообщества, осуществляющего переосмысление и переструктурирование прошлого и настоящего, создание насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов [Евстифеев 2015].

Освоение символического пространства локальными сообществами в той или иной степени присуще всем городским поселениям и отличается большим разнообразием. Главными проблемами для развития такого

сообщества становятся эффективное взаимодействие с органами власти в городе и трансфер символов и элементов идентичности в практики, включая политические. Городские сообщества решают эту проблему по-разному: от полной интеграции во властные структуры до отстаивания собственной независимости и особости.

Во Владимире аналитическое сообщество избрало стратегию, которую можно обозначить как «демократический интеллектуализм», включающий в себя а) уверенность в том, что знания и интеллект не только обладают самостоятельной ценностью, но и являются важнейшим условием общественного развития; б) интеллектуальный нонконформизм, т. е. нерелятивистское отношение к процессу познания, знаниям и ценностям, любопытство, любознательность, направленные на окружающий мир; в) неудовлетворенность состоянием общественно-политических процессов, управленческих решений в городе, регионе и стране, уровнем их осмысления; г) осознание, что для решения возникающих в обществе проблем необходимо повышение плотности интеллектуальной среды, направленной на научное осмысление происходящего, объединение усилий людей; д) надежда на то, что путем привлечения широкого круга граждан к осмыслению и разработке управленческих решений можно внести существенные улучшения в политику органов власти; е) признание ценности и необходимости демократических коммуникаций, признание ограниченности возможностей властной иерархии в процессе осмысления, производства и диссеминации знаний и информации.

Объединение на базе данных принципов не носило характера заключения пакта или договора, а произошло спонтанно, в ходе предшествующей активности, которая включала в себя организацию дискуссий, встреч, круглых столов, посвященных актуальным вопросам развития города, региона и страны в целом.

Одной из особенностей созданной ассоциации было единогласное мнение участников о том, что надо по возможности избежать

государственной регистрации организации как юридического лица и не вступать в юридические отношения с государством и с другими акторами (при этом активно взаимодействуя с конкретными гражданами); соответственно, не участвовать в конкурсах на получение грантов и иных форм материальной поддержки, используя для своей деятельности только ресурсы самих граждан, основанные на их ценностях и интересах.

Вокруг аналитического сообщества сформировалось и развивалось несколько проектов, связанных с публичными экскурсиями, проведением публичных лекций, а также организацией экспертных семинаров по актуальным проблемам развития города и региона.

Важнейшим этапом развития сообщества стало разработка модели управления городом, основанной на интересах граждан [Борисова 2010; Евстифеев 2010]. На основе созданной модели в городе началась работа по созданию стратегии развития города. По инициативе сообщества и при поддержке главы города были проведены масштабные форумы по обсуждению целей и направлений стратегии, к разработке стратегии было привлечено около 400 человек. В рамках этой работы велась большая работа по выработке философии городского развития [Философия 2012].

Весьма характерным примером удачного трансфера локальной идентичности в гражданскую самоорганизацию стала ситуация так называемым Спасским Холмом во Владимире. В ходе активной деятельности сообщества и реализации проектов, члены сообщества столкнулись с проблемой экономической активности местных бизнесменов, аффилированных с местной властью, в исторической части города и с незаконными операциями с земельными участками. Публичные экскурсии по центру города позволили сделать достоянием общественности многие такие проблемные точки, одной из которых стало место недалеко от знаменитых Золотых Ворот, у Спасской церкви, заложенной еще князем Андреем Боголюбским в середине 12 века. По некоторым версиям это была дворовая церковь князя, около которой мог находиться двор Андрея Боголюбского.

Оказавшийся в 90-е годы в частной собственности участок стал ареной серьезной борьбы горожан за свой город. И центром этой борьбы за город стало аналитическое сообщество, показавшее как с апелляций к ценностям идентичности, как городской, так и национальной, можно мобилизовывать граждан и отстаивать городское пространство.

Основываясь на базовых элементах городской идентичности аналитическим сообществом была проведена большая работа по обоснованию важности данного места для города, включающая в себя исторические изыскания и переинтерпретацию роли Андрея Боголюбского в истории Руси, что вылилось в серию статей, публичных лекций и привело, в итоге, к подготовке и изданию книги о князе [Воронин 2011]. Была проведена работа по популяризации личности Андрея Боголюбского, в результате чего удалось убедить областную администрацию отметить в 2011 году 900-летний юбилей А.Боголюбского. В ходе работы родился и новый топоним – Спасский Холм, который очень удачно стал маркировать данный земельный участок. Кроме того, были подготовлены все необходимые юридические документы для оспаривания права частного владения.

В результате Спасский Холм стал значимым элементом локальной идентичности, причем активная работа аналитического сообщества позволила сформировать идею о том, что Спасский Холм – это место зарождения российской государственности, то есть новой, отличной от Киевской Руси системы государственной власти [Евстифеев 2011] .

Кроме того, удалось доказать и показать, что Спасский холм имеет и весьма серьезный туристический и рекреационный потенциал, с холма открывается удивительно красивый и захватывающий вид на древние Успенский и Дмитриевский соборы и на заклязьминские дали, что делает его интересным и привлекательным не только как историческое место, но и как публичное пространство, любимое и посещаемое горожанами и гостями города Владимира.

Еще одним ноу-хау стало учреждение в 2012 году международного дискуссионного клуба «Спасскій холмъ», который ставит своей задачей обсуждение различных аспектов истории, настоящего и будущего российской государственности. Заседания Клуба проводятся один раз в квартал в одном из древнейших центров зарождения российской государственности - в г.Владимире. В заседаниях Клуба принимают участие ведущие ученые из российских и мировых центров, известные политические, государственные и общественные деятели.

Это позволило привлечь к проблеме Спасского холма внимание экспертов и специалистов из других регионов, сделать ее значимой на общероссийском уровне. Вся эта работа продолжалась почти 5 лет и в 2014 году, после нескольких судебных заседаний участок перешел в муниципальную собственность [Ганцева 2014], и городской администрации ничего не оставалось как разбить на этом месте сквер, завершив тем самым этот этап гражданской самоорганизации населения.

Вместе с тем, проеденные исследования не позволили установить сколько-нибудь значимой корреляции между элементами городских локальных идентичностей и склонностью жителей к солидаризации. По всей видимости, механизмы солидаризации и самоорганизации сообщества имеют более сложную природу, нежели предполагалось изначально, и трансфер локальной идентичности в гражданскую самоорганизацию носит более сложный характер, включая в себя такие процессы, как формирование локальных аналитических сообществ, осуществляющих переосмысление и переструктурирование прошлого и настоящего, создание насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов, и, далее, трансфер символов в практики, включая политические.

Кроме того, результаты проведенных исследований показали, что в целом можно говорить о существовании определенного противоречии, между позитивной самооценкой качества жизни граждан, с одной стороны, и все большим вниманием населения к нематериальным ценностям и ресурсам,

включая запросы на самореализацию, солидаризацию, достижение справедливости и равенства в обществе, с другой стороны. В связи с этим, можно конкретизировать примерную модель трансферта локальной идентичности к позитивной гражданской самоорганзиации следующим образом: развитие городского сообщества, выработка социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формирование независимого интеллектуального пространства с альтернативными конкурирующими «пакетами» интересов, публичное выражение интересов на дискуссионных площадках, создание коалиций, конкуренция и продвижение своей повестки в поле публичной политики.

Однако неиерархическая в целом структура локальной идентиности вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей. Иными словами, местные сообщества неминуемо встают перед решением фундаментальной проблемы: переход из пространства символической политики в политику реальную.

Борьба за символы и за идентичность в символическом городском пространстве близка к латуровской «пересборке социального» (reassembling the social), т. е. к процессу упорядочивания / конструирования социального городского пространства в целом, включая и развитие бренда города [Латур 2014]. Однако неиерархическое построение аналитических сообществ, приспособленное для интериоризации символов и выработки направлений символической политики на местном уровне, вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей. Таким образом, организация эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, то есть в гражданскую самоорганизацию, становятся важным этапом перехода от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

Этот переход к собственно политическому существованию граждан может быть губителен для слабоструктурированных сообществ и их

представителей. Риски потери идентичности и собственных принципов здесь весьма велики, что делает такой путь более сложным и уязвимым, чем привычный путь выработки ценностей бренда внутри герметично организованной корпорации.

Проведенные исследования позволили выявить наиболее чувствительные точки городских сообществ, которые, на наш взгляд, не позволяют пока говорить о достаточной эффективности гражданской самоорганизации.

Во-первых, изучение локальных идентичностей показало, что идентичность сама по себе не обладает телеологичностью, то есть легко изменяема и даже конструируема извне. В этом смысле требует своего теоретического обоснования проблема соотношения локальной идентичности и «духа сообщества» (community spirit, spirit of the city), учитывая, что именно «дух общины» направлен на самовоспроизводство и самоорганизацию сообщества.

Во-вторых, исследования почти не зафиксировали в исследованных городах неформальных делиберативных практик по поводу локальных ценностей, то есть институализированных механизмов взаимодействия внутри сообществ, не связанных с властными коммуникациями. Видимо, как следствие, не удалось зафиксировать и механизмы формирования репутаций в местных сообществах. Вопросы о «лучших людях» вызывал видимые затруднения в процессе дискуссий в фокус-группах и большой разброс мнений при проведении массового опроса.

В-третьих, описанные городские локальные идентичности не дают оснований для оптимистичной оценки потенциала солидарности. Исследователям не удалось обнаружить сколько-нибудь значимой корреляции между элементами городских локальных идентичностей и склонностью жителей к солидаризации. По всей видимости, механизмы солидаризации сообщества имеют более сложную природу. Полагаем, что помимо элементов локальной городской идентичности и уровня доверия внутри сообщества

необходимо принимать во внимание параметры, связанные с характером организации сообщества, доминирующими представлениями о власти, с распределением власти в городе, то есть с политическим устройством городского пространства в целом.

Литература

Беляева 2012 — *Беляева Н.Ю.* (отв. Ред.) Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / [редкол. : Н. Ю. Беляева (отв. ред.), Ш. Ш. Какабадзе, Д. Г. Зайцев]. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Белянин 2010 — *Белянин* А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. – М.: Фонд «Либеральная миссия,2010.– 164 с.

Борисова 2010 — *Борисова Е.* Даешь новую модель! // Владимирские Ведомости, 30 октября 2010 - http://www.vedom.ru/news/2010/10/30/2284-daesh.

Бурдье 1991 — *Бурдье* П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1991. – 336 с.

Воронин 2011 — *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. Под ред. Евстифеева Р.В. и Тихонова А.К. Владимир, ВФ РАГС, Транзит-Х, 2011.

Ганцева 2014 — *Ганцева П.* Спасский Холм спасен // Владимирские Ведомости, 13 октября 2014 - http://www.vedom.ru/news/2014/10/13/15406-spasskiy.

Евстифеев 2010— *Евстифеев Р.В.* Наш город. Модель для XXI века //URL: http://v-i-projects.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=101:2010-11-09-21-01-52&catid=37:2010&Itemid=200.

Евстифеев 2011 — *Евстифеев Р.В.* Истоки российской государственности: Северо-Восточный вариант // Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. Под ред. Евстифеева Р.В. и Тихонова А.К. Владимир, ВФ РАГС, Транзит-Х, 2011.

Евстифеев 2015 *Евстифеев Р. В*. Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // Новая экономика и региональная наука. 2015. № 1. С. 61–67.

Евстифеев 2016 — *Евстифеев Р. В*. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88–95.

Задорин и др. 2016 — *Задорин И. В., Евстифеев Р. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д., Шубина Л. В*. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ.

Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН, 2016.

Идентичность 2011 — Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийскойнаучно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.В. Лапкина, П.В. Панова. – М., ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.

Колмэн 2001 — *Колмэн Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Крупкин 2010 — *Крупкин* П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. – М.: Флинта: Наука, 2010.

Латур 2014 — *Латур Б*. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Норт и др. 2011 — *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б*. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Олсон 1995 — *Олсон* М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995.– 174 с.

Остром 2010 — *Остром Э*. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности.— М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.

Отчет 2015 — Отчет о научно-исследовательской работе «Изучение общественного мнения населения Владимирской области» по теме «Социальное согласие и социальное самочувствие». Ред. Евстифеев Р.В., Владимир, 2015 г.

Отчет 2016 — Отчет о научно-исследовательской работе «Изучение общественного мнения населения Владимирской области» по теме «Социальное согласие и социальное самочувствие». Ред. Евстифеев Р.В., Владимир, 2016 г.

Патнэм 1996 — *Патнэм* Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: AdMarginem, 1996. – 288 с.

Полищук 2012 — *Полищук* Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 12, с.53.

Фукуяма 2006 — *Фукуяма* Ф. Доверие. – М.: Хранитель, 2006. – 248 с.

Философия 2012 — Философия стратегического развития города Владимира, 12 апреля 2012 г. // URL: http://v-i-projects.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=195:2012-04-14-14-09-56&catid=41:2011&Itemid=203 .

Хантингтон 2004 — Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 640 с.

Anderson 2010 — *Anderson M*. Community identity and political behavior.

New York: Palgrave Macmillan, 2010.
Lawler 2014 — *Lawler* S. Identity. Sociological Perspectives.– Polity Press, 2014. – 210 p.
Tajfel 1986 —*Tajfel*, H., Turner, J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: ChicagoUniversityPress, 1986. P. 7–24.